
*В сумеречном небе над головой
не было ни облака. Но где-то далеко,
с юга, буря медленно двигалась в их
сторону...*

Альфред Лансинг,
«Лидерство во льдах.
Антарктическая одиссея
Шеклтона»

1

Аннабель Аньелли пытается прийти в себя. Она шокирована тем, что произошло только что возле придорожной закусочной «Дикс». Она в ступоре. И вдруг — бывает же такое — истерзанная душа словно срывается с цепи. Аннабель сжимает белый бумажный пакет со злосчастным оранжевым логотипом *Dick's*. Бургер еще теплый. Кола плещется, поднимая бурю в стакане, пока Аннабель силится прогнать мрачные видения недавнего прошлого. Просыпавшиеся на дно пакета ломтики жареной картошки шуршат, как маракасы.

Конечно, она слышала эту поговорку: *«Путь в тысячу миль начинается с одного шага»*. Сразу вспоминается плакат в кабинете тренера Квана: на фоне заката — силуэт девушки, бегущей вверх по крутой горной тропе; облака расступаются, и божественные лучи раскрашивают пурпуром величественные горы. На том плакате нет ни паники, ни брошенных салфеток, ни растрепанных волос. Ничего *похожего*.

Куда она бежит? Если бы знать...

Почему она бежит? Трудно сказать. Иногда происходит срыв. Сорваться легко, когда ты уже сломлена

худшим из того, что может с тобой случиться. Когда подавлена чувством вины и напугана. Ты просто срываешься. Как будто сжатая внутри пружина только и ждет подходящего момента, чтобы выстрелить.

И вот теперь, на парковке у «Дикс», Аннабель Анжели больше не пытается совладать с собой. Она проиграла. Вчистую. Она бросает машину и бежит трусцой по тротуару в довольно бодром темпе. Тренер Кван мог бы гордиться. Ее прошибает пот, мысли прыгают кувырком, и она выглядит немного дерганой для отличницы по жизни. Быть доброй и милой, держать все под контролем — это большая, очень большая работа, в последнее время слишком обременительная для нее.

Становится только хуже. Что и говорить, такое часто бывает: спираль неудач закручивается все туже. Аннабель бежит довольно долго, уже начинает темнеть. Тьма сгущается — в прямом смысле, а не только в ее жизни. Опускается ночь. Тяжелые облака заволакивают небо, угрожая обрушиться ливнем. Все против нее: ночь, дождь, усталость.

Она преодолевает полпути вдоль Бродвея — загруженной автомагистрали Сизтла. Потом сворачивает на Черри-стрит и вскоре оказывается на тропе, огибающей озеро Вашингтон. На дворе март, и это означает, что солнце садится около пяти или половины шестого вечера. Она понятия не имеет, который час. Прохожие в капюшонах, сутулясь от холода, выгуливают собак. Мелких и крупных псин дергают за поводки: слишком большая роскошь — обнюхивать территорию, когда небо так черно. Велосипедисты — один, два или двадцать — проносятся мимо, спеша домой с работы. Колеса *шуршат* по асфальту. Рюкзаки болтаются за плечами. Узкие блестящие велосипедные штаны отбрасывают метеоритные полосы люминесцентного желтого цвета. Зажигаются уличные фонари.

Она бежит дальше. Накрапывает дождик, но это пустяки. Пакет с бургером исчез (в мусорном баке, надеется она, хотя не может сказать наверняка), но у Аннабель в руке стакан с колой, и сумочка успокаивающе бьется о бедро. В закусочную «Дикс» ее занесло после тусовки с Заком Оу и Оливией, поэтому на ней джинсы и свитер, и сейчас ей очень, очень жарко. Ее куртка в машине; спортивный костюм для бега и кроссовки — дома. Но все это не имеет значения.

Позади район Лэски и парк Сьюард, и жутковато оставаться наедине с озером цвета индиго и вечнозелеными деревьями-великанами, грозно размахивающими ветками. Страх — вот что гонит ее вперед. Впрочем, бежит она не только от страха, внушаемого парком Сьюард и происшествием у закусочной, но и от постоянного ощущения тревоги, собственной беспомощности и осознания того, что ее судьба в чужих руках.

Вообще-то не следовало бы устраивать пробежки в этой части города. По ночам здесь небезопасно. Грабят. Убивают. Но, странное дело, ей как будто море по колено. Все нипочем. *«Попробуй, гостань меня, — храбрится она. — Думаешь, я боюсь?»*

И тут ей в голову приходит другая мысль: *«Так бы бежать и бежать куда глаза глядят».*

Вот как рождаются большие идеи: что-то вспыхивает в мозгу, когда происходит короткое замыкание. И всякие *куда, почему и не знаю* сплетаются в мельчайший клубок клеток, различимый только под микроскопом.

Большие идеи могут привести к великим делам. Большие идеи могут привести к катастрофе. Клетки начинают делиться.

В кармане жужжит телефон. Она уже давно должна быть дома. Родные беспокоятся. Она отмахивается от этой мысли, но чувство вины пополам с ответственностью сталкиваются с болью в икрах и пальцах ног.

Так уж устроена Аннабель Аньелли: она считает, что всем должна. Это заставляет крутиться шестеренки тревоги. Наконец она останавливается, задыхаясь от усталости.

Слева от нее простирается парк. Она с рождения живет в Сизтле, но никогда не бывала здесь. «МЕМОРИАЛЬНЫЙ ПЛЯЖНЫЙ ПАРК ДЖИН КУЛОН» — читает она табличку. ГОРОД РЕНТОН. Она отхлебывает колу, комкает стакан. Хруст картона успокаивает. Она ходит по кругу, восстанавливая дыхание, потому что знает, как отреагируют мышцы, если этого не сделать. В груди жжет.

«Помоги мне, Кэт, — мысленно молит Аннабель. — Что мне делать?»

«Не сгавайся», — отвечает Кэт.

Видите? Кэт — ее лучшая подруга, поэтому она понимает. Кэт знает Аннабель лучше, чем кто-либо — ну, может быть, не считая той, кто сходит с ума в эту самую минуту и названивает по телефону. Аннабель тянется к жужжащей трубке.

— Мам, я в порядке, — говорит она.

— О боже, Аннабель. Господи Иисусе, где тебя черти носят? — Именно так: *боже, Иисусе* и *черти* запросто уживаются в одной фразе — но в этом вся Джина Аньелли. Для нее католическая вера — не только религия, но еще и суеверия, защита, традиции. Она редко ходит на мессу, но у нее на кухне над дверью висит обязательное распятие, в ящике комода хранятся четки и перетянутая резинкой стопка похоронных карточек-извещений о смерти родственников. Аннабель с трудом верится, что среди людей еще есть католики. Но католическая церковь существует вот уже тысячи лет и будет существовать еще столько же, несмотря на критику в прессе и слухи

о скором исчезновении, как это случилось с *Hostess Twinkies*¹.

Неужели Аннабель еще может верить во что-то? Было бы неплохо иметь веру, но, похоже, она ушла навсегда.

— Я в парке Джин Кулон. В Рентоне!

— Что? Почему? С кем ты там? Ты что, *выпиваешь*?

Ха. Если бы.

— Нет, я не пью! Я бегаю.

— Ты *бегаешь* там? Что значит: бегаешь? А где машина? Боже правый, ты хоть знаешь, как я волнуюсь? Да я чуть не умерла от волнения.

Волнуется! Мама всегда волнуется! Она волновалась еще до прошлого года, еще до того, как появилась причина для волнений. Беспокойство — еще один способ, которым Джина пытается всех уберечь. Оно сродни молитве. Вот что происходит, когда твоя мама охвачена беспокойством: ты *сама* невольно впадаешь в панику. Тревога становится фоном твоей жизни, как навязчивая мелодия из гастронома. Ты просчитываешь каждый шаг, просыпаешься среди ночи с учащенным сердцебиением. Ты притворяешься храброй и делаешь все, чтобы доказать, что ты не такая трусиха, как она. Постоянное беспокойство (о том, где ты находишься, с кем дружишь, обо всем и вся, но только не о том, о чем нужно беспокоиться) передается и тебе. *Ты в опасности. Мир полон угроз и предательства. У тебя нет ни единого шанса выжить.*

Как будто беспокойство что-то гарантирует.

Как можно чувствовать себя в безопасности? Сложный вопрос. И вполне уместный, потому что Аннабель

¹ Легендарное бисквитное пирожное, придуманное и производимое пекарней Hostess с 1930 года. Причина прекращения производства — банкротство компании. Последняя партия Twinkie, состоявшая из 20 тыс. коробок, была раскуплена менее чем за день.

сложно устроена. Под маской симпатичного и хрупкого создания скрывается душа, полная отчаяния и убитая горем.

— Со мной все в порядке, мам.

Конечно, это не так. Она определенно не в порядке.

— Малкольм пытался отследить тебя по Интернету, не знаю уж, как! А я собиралась позвонить деду и отправить его на поиски. Можешь себе представить, в каком я была состоянии. Аннабель, ты не смеешь вот так просто *исчезать* чуть ли не на *целый день*.

Малкольм — младший брат Аннабель. Технологический гений, тринадцатилетний Макгайвер¹. Задрот, зануда, маленький друг. Эд Аньелли — дедушка. Прозвище — *Capitano*². Бывший владелец и босс компании по упаковке замороженной рыбы, после выхода на пенсию он стал шкипером собственного корабля-автофургона, на котором разъезжает по стране. Ныне дед живет в соседнем доме. Еще есть собака Бит неизвестной породы. Небольшой пес коричнево-рыжего окраса. Сверхшустрый похититель нижнего белья. Карл Уолтер — временный бойфренд мамы — менеджер отдела в компании AT&T³. Ярый фанат футбольной команды «Сизл Сихокс». До сих пор уверен, что печенье *Port-Tarts* и фруктовый напиток *Hi-C* — достойный выбор в питании. И, наконец, Энтони. Отец Аннабель и Малкольма. В прошлом — лучший спортсмен школы и сбежавший родитель, ныне отец Антоний, священник церкви Святой Терезы близ Бостона. Также известный как

¹ Ангус «Мак» Макгайвер — герой одноименного приключенческого сериала, сотрудник секретной правительственной организации США, в которой использует свои поразительные навыки решения проблем и обширные знания науки, чтобы спасти жизни.

² Капитан (*итал.*).

³ Американский транснациональный телекоммуникационный конгломерат со штаб-квартирой в Далласе, штат Техас.

Этот Негодяй Отец Антоний — так называет его Джина с тех пор, как он ушел из дома шесть лет назад, заявив, что *с него хватит*. Аннабель тоже прекратила с ним общение. Вот такая она, *la famiglia*. Семья.

— Аннабель, Аннабель! Ты куда пропала?

— Я здесь.

— Почему ты затихла? Ты заставляешь меня нервничать.

Матери могут свести с ума, но матери знают своих детей.

Либо сейчас, либо никогда.

— Я не собираюсь домой.

— Что значит: ты не собираешься домой? Разумеется, ты идешь домой. У меня в руках ключи от машины. Малкольм! — кричит она. — Найди по GPS парк Джин Колон!

— Не Колон. Кулон. *Cu*. — Поднимается волна истерики. Она готова лопнуть от смеха. *Cu* — аббревиатура *culo*, что на итальянском сленге означает *задницу*. — Но тебе не нужно приезжать. У меня в кошельке сто двадцать баксов, подаренных на день рождения. Я видела тут неподалеку гостиницу «Бест Вестерн».

— Мы будем через полчаса, если я не заплутаю.

— Я не собираюсь возвращаться домой. Серьезно.

— Аннабель, прекрати сейчас же. Я серьезно. И серьезнее, чем ты думаешь! Что произошло у Зака Оу? Что-то ведь произошло. — Джина почти скороговоркой произносит имя Зака Оу. Получается *Закоу*. Звучит как название интернет-магазина обуви для сумасшедших.

— У Зака ничего не случилось.

— Это как-то связано с «Подземельями и драконами»? ¹

¹ «Подземелья и драконы» — настольная ролевая игра в жанре фэнтези, разработанная Гэри Гайгэксом и Дэйвом Арнесоном.

— Мама, нет...

Как это объяснить? Даже самой себе?

В голове прокручиваются недавние события: вот она уходит от Зака. В прекрасном настроении. На душе легко — во всяком случае, гораздо легче, чем на протяжении всех последних месяцев. Они даже *повеселились*. По дороге домой она замечает заснеженный хребет Каскадных гор¹ вдаль. Зрелище настолько прекрасно, что ее переполняет чувство благодарности к природе-матушке. В машине играет iPod. Звучит старая песня, которую она скачала у матери, — британский альтернативный рок времен накладных плеч и длинных волос, вечный источник положительной энергии. «*Я живой! Такой живой!*»²

Ее передергивает от этих слов, но она старается не обращать внимания. Впереди, у обочины, медленно вращается вывеска закусочной «Дикс». Восхитительный запах бургеров на гриле проникает в салон через решетку радиатора. Повинуясь внезапной прихоти, она тормозит у закусочной. Ее вдруг одолевает голод. Такой животный голод, что даже бодрит.

Она делает заказ и расплачивается, вставляя купюры в кассовое окошко автомата. Нажимая рычажок, достает соломинку для напитка и хватает стопку салфеток. Потом забирает пакет с едой, стакан с колой и поворачивается, чтобы уйти.

За ней в очереди стоят два молодых парня. Один из них, в армейской куртке, явно нетрезв. Пошатывается, опираясь на своего друга.

¹ Крупный горный хребет на западе Северной Америки, простирающийся от южной части канадской провинции Британская Колумбия через американские штаты Вашингтон и Орегон до Северной Калифорнии.

² Песня британской группы Love and Rockets, представляющей альтернативный рок — жанр рок-музыки, сформировавшийся из музыкального андеграунда 1980-х и ставший популярным в 1990-е и 2000-е годы.

— Эй, красавица, — заплетающимся языком произносит он, обращаясь к Аннабель. — Поди-ка сюда.

Он приближается. Тянется к ее руке. Она чувствует, как его пальцы впиваются в кожу сквозь рукав.

— Чед, идем, старик, — говорит другой парень.

— Она красотка. Я хочу красотку.

— Чед, отвали.

Аннабель выдергивает руку и пытается пройти, но ее не пропускают. От бодрящего настроения — *я такой живой* — не остается и следа.словно парализованная, она стоит столбом, сжимая в руках пакет, чувствуя себя маленькой и беспомощной. Приятель увлекает пьяного Чеда в другую очередь.

— Еще немного — и я бы вмешался, — доносится у нее из-за спины мужской голос. Мужчина худой как макаронина, в коротком шерстяном пальто с толстым шарфом на шее. У него добрые глаза. Аннабель готова его расцеловать. И не только, если честно. Ей плевать, даже если он курит марихуану или целыми днями брэнчит на гитаре в подвале дома своей матери. Сейчас ее ничто не волнует, кроме предложения о помощи.

Все вместе: грубая хватка, ощущение собственной уязвимости, острое желание поцеловать спасителя — обрушивается на нее лавиной. Несправедливость происходящего грохочет, крушит и грозит похоронить ее заживо. Аннабель нужно быть сильной, способной постоять за себя, но она понятия не имеет, как этого добиться. Противно думать о том, что какой-то парень может ее спасти, потому что она знает, что так не бывает. Она больше не хочет когда-либо испытывать страх, парализующий волю. Она видит себя воительницей, готовой дать отпор любому, кто посмеет ее тронуть. Она хочет быть женщиной из тех, кто всем своим видом говорит: *«Руки прочь»* и *«Со мной шутки плохи»*, кто может пошутить о силе своей вагины и припугнуть шпану

отрезанием членов. Поговорить жестко. Как положено смелым и взрослым. Типа: «*Отвали, пока цел*».

Ей хотя бы просто *верить* в то, что она может вести такие разговоры, но даже это не получается. И не только из-за того, что случилось девять месяцев назад. Против реальности не попрешь. Реальность не изменить словами. Аннабель — молодая женщина. Ростом метр шестьдесят. Весит она пятьдесят килограммов. История — ее собственная и всего мира, в которой собран опыт многих лет и даже вчерашнего дня, — лишний раз подтверждает уязвимость женского пола. Ее безопасность как женщины, благополучие и свет, который она несет миру, зачастую все так же попираются. Это совершенно очевидно.

К тому же она красива, и это то, что люди видят в первую очередь, а иногда единственное, что они видят. Красота — одновременно и сила, и слабость, но чаще всего слабость, по крайней мере, до сей поры. И хотя никто к ней не прикасался (речь не об *этом*, но для многих женщин это большой вопрос), после прошлогодних событий она кое-что понимает, несмотря на то, что предпочла бы обойтись без таких уроков. Она понимает, что, когда дело доходит до драки, в прямом или переносном смысле, надо полагаться на сознательность и доброту других. А это, как ей слишком хорошо известно, самое ненадежное, на что можно положиться. Порой это как тонкая ниточка. Тончайшая, почти невидимая.

Она чувствует хрупкость этой нити, когда пьяный парень хватает ее за плечо, и понимает, что ей некуда идти и ничего нельзя сделать, если он решит причинить ей боль. Она не сможет одолеть его. Все, что у нее есть, — это ее голос, но даже от него пользы не больше, чем от крика во время урагана.

Она снова мысленно возвращается в тот кошмар, и счастливый день меркнет, бодрящая музыка исчезает,

как и здоровое чувство голода. Остается лишь потребность выкарабкаться из-под завалов лавины и обратиться *куда погальше*. Так она оказывается здесь, в парке Джин Кулон в Рентоне. Под круговерть мыслей ноги сами несли ее вперед, и вот теперь она стоит на парковке, пытается объяснить матери свое внезапное решение.

— Аннабель! — чуть ли не кричит Джина. — Хватит молчать! Говори, в чем дело.

— Я не вернусь домой. Я собираюсь бежать и бежать вперед. Пока не доберусь до Вашингтона, округ Колумбия. — Конечно, это пахнет безумием, утопией и обреченностью, даже будь она двукратной победительницей марафона. Затея глупая, драматичная и наивная. И еще идеалистическая. Разумеется, у нее нет ни малейшего представления о здешних реалиях. Нет никакого плана. Никакой команды. Не говоря уже о физической подготовке. Ее ждет полное фиаско. Но сейчас она чувствует лишь то, насколько лично ей это необходимо. Жизненно необходимо.

Да, в этом *вся* Аннабель Аньелли.

— Это ПТСР¹, Аннабель, — зовет к ее разуму мать. — Помнишь, что говорила доктор Манн? Про гипервозбуждение, безрассудство? Тебя опять мучают флешбэки? Ты плохо спишь, я знаю. Поговори со мной. Ничего подобного *просто так* не делают. Люди, которые собираются... они планируют, Аннабель. Месяцами. Надо ведь... ну, я не знаю! Столько всего предусмотреть! Нельзя же вот так, разом, сорваться с места. Я приеду за тобой. Не сходи с ума.

Не сходить с ума? Похоже, уже слишком поздно.

¹ Посттравматическое стрессовое расстройство.